

Любовь Федоровна Воронкова

Подружки идут в школу

Дом под телегой

На улице было жарко, солнце лежало и на траве и на дороге. И только под телегой, которая стояла у двора, притаился кусочек тени и холодку.

Таня и Алёнка залезли под телегу со своими куклами.

– Это будет наш дом. Ладно, Алёнка?

– Ладно.

– Мы тут обедать будем.

– А что обедать?

– Да из огорода принесём!

Девочки усадили кукол в кружок, а сами сбегали в огород и принесли всякой еды: и свежей морковки, и зеленых огурчиков, и гороховых стручков. Подкатили под телегу круглый чурбак, накрыли его лопухом – вот и стол, накрытый скатертью. Нарвали круглых листьев подорожника – вот и тарелки. Разложили угощенье по тарелкам – садитесь, гости, обедать!

Но тут осмотрела Таня накрытый стол и сказала:

– А хлеба нет! Какой же это обед без хлеба?

Таня хотела бежать домой за хлебом, но Алёнка остановила её:

– Вот Дёмушка наш идёт с куском, у него возьмём.

Дёмушка не спеша подходил к телеге. В одной руке он держал большой красный помидор, а в другой – ломоть хлеба с солью. А рядом с Дёмушкой бежал Снежок и, виляя лохматым хвостом, поглядывал на хлеб.

Алёнка позвала Дёмушку:

– Дёмка, будешь играть?

– Буду, – сказал Дёмушка.

– Ну, лезь под телегу, садись за стол. А хлеб не ешь.

– А куда же его?

– А вот сюда. Клади на тарелку, вместе обедать будем.

Все уселись вокруг чурбака. И Снежок сюда же присунулся. Под телегой было тесно, но зато весело. И солнце не пекло.

Таня была хозяйкой за столом и всех угощала:

– Вот морковки покушайте. Вот огурчики. А вот горох очень сладкий, прямо сахарный!

Таня угощенья брала понемножку, и Алёнка понемножку. А Дёмушка как попробовал горох, так и сгрёб почти все стручки к себе на колени.

– Ты что же это! – сказала Таня. – Так в гостях разве делают? По одному стручку должен брать!

– А по одному не распробуешь...

– Жуй получше, вот и распробуешь. Клади горох обратно!

Таня потянулась к Дёмушке за горохом. А в это время Снежок улучил минутку, схватил хлеб со стола и съел его вместе с «тарелкой».

– Ой, ну что за гости такие! – закричала Алёнка. – Так всё со стола и хватают!

А Таня рассердилась и вытолкала Снежка из-под телеги.

– Уходи отсюда, нам таких гостей не нужно!

– А вон Танина мамка идёт с лошадейю, – вдруг сказал Дёмушка, высунувшись из-за колеса. – Запрягать, наверно.

Он проворно схватил горсть сладких стручков, вылез из-под телеги и убежал.

– Ну и беги, – сказала Таня, – мы и одни можем...

В это время к телеге и правда подошла Танина мать и подвела на поводу тёмно-гнедую лошадь Ночку.

– Это что, как воробьи под застреху забились? – сказала мать, заглядывая под телегу. – Вылезайте, запрягать буду!

– А тут наш дом! – закричала Таня.

– Ваш дом сейчас в поле за снопами поедет, – ответила мать и стала вводить лошадь в оглобли.

Таня быстро выскочила из-под телеги. И Алёнка за ней.

– А мы тоже с тобой! – попросила Таня. – Мамушка, можно – мы тоже с тобой в поле?

– Лезьте в телегу, – сказала мать, затягивая на лошади хомут.

Подружкам не надо было повторять. Они живо взобрались на телегу. Мать запрягла лошадь, села на край телеги, дёрнула вожжами. Ночка быстро побежала по белой, сухой дороге; телега покатилаь... Снежок позабыл, что его недавно вытолкали из гостей, весело закрутил свой лохматый хвост и побежал следом. А на лужке остался круглый стол – чурбак, накрытый зелёной скатертью, и куклы сидели вокруг него, протянув руки к надкусанным огурцам и морковкам.

Прятки под стойками

Ночка бежала рысью, и телега весело катилась по улице – мимо пруда, мимо скотного двора, за околицу. А как только выехали за околицу, высокая рожь сразу с двух сторон подступила к дороге. Спелые колосья тихонько кивали и покачивались в солнечной тишине.

– Гляди-ка, мамушка, – сказала Таня, – как нам рожь кланяется! Это она здоровается с нами – да?

– Конечно, – улыбнулась мать, – а как же? Своих узнаёт!

– Вроде трещит где-то... – сказала Алёнка прислушиваясь.

Таня привстала на телеге.

– Где? – и тут же закричала: – Вижу! Крылья крутятся – жнейка идёт! Это жнейка трещит, а ты, Алёнка, не узнала? Мамушка, мы сейчас сбегаете посмотрим!

Таня хотела соскочить с телеги, но мать сказала:

– Да куда вы по хлебам пойдёте? Вот выедем на скошенное, тогда и бегите по стерне. Сто раз на эту жнейку смотрели – и всё им интересно!

– А когда смотрели-то? – сказала Таня. – Ещё в прошлом году, когда маленькие были. А в этом году ни разу не смотрели! Вон как она крыльями взмахивает. Алёнка, ты видишь?

Но Алёнка плотно сидела на телеге. Одной рукой она держалась за перекладину, а другой отводила ржаные колосья, которые то и дело стучали её по лбу и щекотали своими короткими сухими усиками. И никакой жнейки она не видела.

Но вот поле словно раскрылось и раздвинулось – дорога выбежала на жнивье. На скошенном стало далеко видно: и лес, и кусты в овражке, и за овражком – дальнее поле. А на дальнем поле ещё стояла рожь, и видно было, как светлые золотые волны идут по ржаным просторам.

Две лошади, рыжая и серая, тащили жнейку. Жнейка трещала, как большой кузнечик, вертела крыльями и проворно работала острыми ножами. Подкошенная рожь ложилась на жнейку. А когда набиралась большая охапка ржи, жнейка своим крылом мягко сбрасывала её на стерню.

Следом за жнейкой шли колхозницы. Они подбирали рожь, вязали её в снопы, а снопы ставили в стойки. Всё поле пестрело от стоек. Снопы стояли словно шалашики: днищами к земле, а колосьями кверху. Пускай солнышко ещё погреет зерно, пускай ветерок его ещё подсушит.

Таня и Алёнка соскочили с телеги и побежали к жнейке.

– Алёнка, ты видишь, какие у неё зубчики? – спросила Таня. – Видишь на крыле – как грабли всё равно? Вот она ими и сбрасывает рожь! Видишь?

Но Алёнка не ответила. Таня оглянулась – почему это Алёнка молчит? Смотрит, а её нет. Таня остановилась:

– Алёнка!

– Вот тебе и Алёнка! – засмеялась колхозница Елена Дозорова, которая тут же вязала снопы.

– Вот тебе и подружка! Пропала!

Таня медленно пошла по полю. Вдруг откуда-то послышался Алёнкин голос:

– Ку-ку!

Таня улыбнулась:

– А, спряталась!

Она стала искать Алёнку и под одной стойкой увидела между снопами кусочек синего Алёнкиного платья.

– Вижу, вижу! Сама спряталась, а платье видно!

Алёнка засмеялась и вылезла из-под стойки.

– А вот я спрячусь, так уж не найдёшь! – сказала Таня. – Ну, закрой глаза!

Алёнка закрыла глаза ладонями. А Таня забежала далеко, к самой крайней стойке, залезла под снопы и подобрала платье. Пускай теперь Алёнка поищет!

Алёнка ходила по полю и заглядывала под каждую стойку. А потом остановилась и стала кричать:

– Таня, ау! Таня, где ты? Ау!

– Ишь какая! – тихонько засмеялась Таня. – Искать не хочется, вот и кричит. Поищи, поищи!

Под стойкой было жарко. Плотные снопы тесно стояли вокруг. Они были новенькие, чистые. А колосья так густо сомкнулись над головой, что будь хоть дождик, хоть гроза – всё равно Таню не промочило бы. Только в щели между снопами ярко светилось синее небо.

– Таня, Танюшка, ау! – кричала Алёнка.

А Таня опять засмеялась:

– Поищи, поищи!

Вдруг что-то зашуршало по стерне. И между снопами под стойку просунулась белая с чёрным носом Снежкова морда. Снежок посмотрел на Таню и весело залаял.

– А, вот где ты! – закричала Алёнка. – Вылезай, мы тебя нашли!

Таня вылезла из-под стойки.

– И что это ты, Снежок, лезешь? – сказала она. – Звала я тебя, да?

А Снежок глядел на неё и только хвостом махал, будто хотел сказать: «Ну и что ж, что не звала! Ты спряталась, а я нашёл! А может, я тоже в прятки играть умею!»

На дальнем поле

Пока Таня и Алёнка прятались под стойками, мать уже навела воз. Снопы плотно лежали крест-накрест, колосьями внутрь. А чтобы снопы не скользили и не разъезжались, мать

прихватила их верёвкой и сама села на воз, в самую середину.

– Побежим, – сказала Алёнка, – прокатимся!

Но Таня будто не слышала. Она глядела на дальнее поле за овражками, на большие хлеба, по которым шли светлые золотые волны.

Алёнка потянула её за рукав:

– Тань, скорей! Полезем на воз!

– Алёнка, гляди-ка, – не слушая её, сказала Таня, – а ведь там комбайн ходит!

Алёнка пригляделась:

– Ага. Комбайн.

– Вот бы на чём прокатиться-то! На самую бы верхушку залезть...

– А на возу тоже высоко.

– Ну, Алёнка, что ты говоришь! На возу-то уж мы сколько раз ездили, когда ещё маленькие были! Ну, что на возу? Воз лошадь везёт. А там – машина! И на самом верху колесо такое есть – штурвал. Наш дедушка говорит, что на кораблях тоже такие штурвалы есть – для управления. Понимаешь?

Алёнка кивнула головой:

– Понимаю.

Лошадь осторожно тронула воз со снопами.

– Со мной поедете или тут останетесь? – крикнула с воза мать.

– Тут останемся! – ответила Таня.

– Ну оставайтесь, – сказала мать, – а когда второй раз приеду, тогда и вас с собой заберу, – и поехала с поля.

Жнейка стрекотала и сбрасывала охапки ржи. Женщины вязали снопы, весело перекликались друг с другом, ставили стойки.

А Таня шаг за шагом уходила всё дальше и дальше к овражкам, к большому полю за овражками, где среди светлых золотых хлебов медленно шёл комбайн.

Алёнка плелась вслед за Таней. Ей не хотелось отставать от своей подружки, а идти тоже не хотелось, потому что было колко. И Алёнка то и дело останавливалась:

– Уф, колется как! И охота была к комбайну идти, лучше бы на снопах поехали!

Но когда выбрались на дорогу, то и Алёнка перестала жаловаться.

Подружки бегом побежали на большое поле. А по большому полю уже двигался им навстречу комбайн.

– А у него тоже крыло крутится! – удивилась Алёнка. – Как у жнейки всё равно!

– Да, правда, – сказала Таня, – только он рожь на землю не кладёт, а прямо к себе на полотне тащит! Видишь?

– Нет, кладёт! – заспорила Алёнка. – Гляди, гляди, вон целую охапку на стерню выбросил! И вон ещё сколько...

– Да разве это рожь? Это же пустая солома – мне дедушка говорил!

Таня вдруг задумалась. Потом сказала тихонько:

– А если бы мой папка жив был, он бы тоже на комбайне работал...

Вдруг издали послышались звонкие голоса. И на сжатом пологом склоне весело запестрели майки, платья, платки...

– Что это все наши ребята в поле пришли? – удивилась Таня. – Может, они хотят стойки ставить?

– Нет, это они, наверно, пришли колоски собирать! – догадалась Алёнка.

– Алёнка, пойдём и мы с тобой колоски собирать, – сказала Таня.

Алёнка обрадовалась:

– Пойдём!

Таня и Алёнка побежали к ребятишкам.

В поле пришли все колхозные школьники и пионеры: и Юра председателей, и Ваня Дозоров, и Ариша Родионова, и Петя Рябинин, и Нюра Туманова... Да всех и не переберёшь!

Они шли рядом по скошенному полю и подбирали упавшие колоски – кто в мешок, кто в фартук.

Нюра Туманова первая увидела Таню и Алёнку.

– А вы зачем сюда прибежали? – сказала она. – Вы ещё не школьники.

– Ну и что ж, что не школьники! – ответила Таня. – А мы тоже скоро в школу пойдём!

– Мало ли что скоро, а всё-таки ещё не школьники!

Тут к ним подошёл вожатый Ваня Дозоров.

– Вы что спорите?

– Смотри-ка, – сказала Нюра, – пришли колоски собирать, а сами ещё и в школу никогда не ходили!

– Тем лучше, – сказал Ваня, – ещё и не школьники, а уж помогать пришли.

Он поставил Таню и Алёнку рядом с Нюрой.

– Глядите внимательно, – сказал он, – все до одного колоска собирайте, чтобы поле было чисто-начисто убрано.

– Тань! Ты во что собирать будешь? – спросила Алёнка.

– Я – в фартук. А ты?

– Тань, а у меня и фартука-то нет!

– Ну, а ты в мой клади. Вместе собирать будем.

Так шли ребяташки вереницей по полю, шли с песнями, с разговорами и собирали колоски. Сухая стерня шелестела у них под ногами. Сухие колоски шелестели у них в фартуках и мешочках...

А над головой в синем небе жарко горело солнце последним своим, августовским жаром.

– Мне что-то всё не попадаются и не попадаются! – сердилась Алёнка.

– Мне самой только три попало, – сказала Таня, – да и то один сломанный!

А Нюра услышала и засмеялась:

– Вот так умны: сердятся, что колосья не попадаются! Ну, раз не попадаются – значит, скошено хорошо!

Находки в поле

Шли и шли ребята по полю... Вдруг Юра председателев закричал:

– Гнездо!

Все побежали смотреть гнездо, окружили Юру. Таня и Алёнка тоже побежали. Только Таня отстала, потому что она не сразу побежала, а сначала сняла фартук с колосками и положила на то место, где остановилась.

Гнёздышко было маленькое, из сухих травинок и мягких стебельков. А в гнёздышке лежало немножко рыжих коровьих шерстинок.

И больше ничего в нём не было.

– А где же птенчики? – спросила Алёнка.

Все засмеялись:

– Вот хватилась! Да уж птенчики выросли давно, уж они теперь улетать собираются!

– А чьё это гнездо? – спросила Таня.

Нюра Туманова опять засмеялась:

– Чьё! Куриное, наверно!

Но Ваня Дозоров сказал:

– Зря смеёшься! Таня верно спросила. У каждой птицы – своё гнездо. Ну, а какая птица во ржи гнездо вьёт? Ребята, кто знает?

– Жаворонок! – закричали ребята.

– Перепел!

– А это чьё гнездо?

– Перепела!

– Нет, не перепела. – Ваня Дозоров взял гнёздышко в руки. – Это гнездо жаворонка, – сказал он, – а перепела яички кладут прямо на землю. Выроют в земле ямочку, положат туда какой-нибудь мягкой травки, соломки – тут и выводят птенцов. Мы это гнёздышко возьмём с собой, в юннатский уголок. А вы, ребята, беритесь за работу, становитесь, кто где был, ни одного шага не пропускайте.

Ребята разбежались, хотели встать, кто где был, но все забыли, где они остановились. Только Таня знала своё место, потому что там лежал её голубой фартук с колосками.

– Вот молодец, Танюшка! – сказал Ваня Дозоров. – Смотрите, а? Хоть ещё и не школьница, а всех догадливей у нас оказалась.

И все стали говорить:

– Вот у нас Татьяна – маленькая, да удаленькая. Наверно, хорошая ученица будет!

Только Нюра Туманова ничего не сказала. Она молча встала рядом с Таней и принялась собирать колоски.

И ребята опять пошли по полю, опять зашуршала сухая стерня под ногами, зашуршали колоски в фартуках и мешочках. И Снежок бегал тут же, искал мышей в норках.

Вдруг Снежок остановился и начал лаять.

– Снежок, ты кого увидел? – крикнула Таня.

Снежок поглядел на Таню и опять залаял.

– Я сбегая посмотрю, – сказала Алёнка.

Она сунула свой колосок Тане в фартук и побежала. Подбежала к Снежку и всплеснула руками:

– Ой, тут ёжик! Тут ёжичек по тропочке идёт!

Ребятишки не утерпели, побежали смотреть ёжика. Только на этот раз положили на те места, где остановились, свои фартуки и мешочки с колосками.

Ёжик увидел людей, зафыркал и свернулся клубком. Ни лапок, ни чёрной мордочки – одни иглы торчат во все стороны!

– Давайте его тоже в живой уголок возьмём! – сказал Ваня Дозоров. – Юннаты, кто может ежа взять?

– Я могу! – крикнул Юра председателев.

Он живо снял с себя майку, накрыл ею ёжика и закатал его в эту майку, будто в узелок.

Тане стало жалко ёжика.

– Не надо его брать, – сказала она, – пускай он в поле бегаёт, ему у вас скучно будет!

– Ничего ему скучно не будет, – ответил Юра, – у нас уже есть один ёжик. Вот тому ёжику, правда, скучно. А теперь им вдвоём будет весело!

– А вы там их, может, не кормите, – сказала Таня, – может, забываете!

– Как это так – мы забываем! – рассердился Юра. – Мы ведь юннаты!

– Ты же сама скоро в школу придёшь, – сказал Тане Ваня Дозоров, – вот и будешь их кормить!

Таня обрадовалась:

– Я? А мне разве можно?

– А почему нельзя? Ты у нас тоже юннаткой будешь.

– Ну ладно! – согласилась Таня. И улыбнулась. А потом потрогала сквозь майку ежиные колючки и сказала: – Ничего, ничего, ёжичек, не фыркай! Мы тебя будем кормить. Мы тебе будем молока давать, вот увидишь!

А когда все ребята снова принялись собирать колоски, Алёнка сказала:

– А что бы нам ещё для юннатского уголка найти?

– Не знаю, – ответила Таня. – Давай получше посмотреть, может, ещё кто встретится.

Но им больше никто не встретился, потому что поле кончилось.

И Ваня сказал:

– Ребята, теперь мы пойдём домой. А все колоски давайте в один большой мешок ссыплем.

Ваня держал большой мешок. И все ребята высыпали свои колоски в этот мешок. И Таня высыпала туда же из голубого фартука свои колоски и Алёнкины. Все собрали понемножку.

– Вот и мы колхозу помогли! – весело сказала Таня. – А я даже ничуть и не устала!

– И я не устала! – подхватила Алёнка. – Побежим?

– Побежим! – согласилась Таня.

Они взялись за руки и побежали по мягкой и Солнечной полевой дороге. И Снежок, закрутив свой лохматый хвост, весело побежал за ними.

На току

Таня и Алёнка миновали овражек и вышли на ближнее поле, где работала жнейка и где они сегодня прятались под стойками. Стоек в поле стало гораздо меньше. В поле возить снопы пришли машины. А на машину можно целую гору снопов погрузить, не то что на телегу. Но и на лошадях тоже возили. Чем скорее убрать хлеб, тем лучше. Возы со снопами шли и шли с поля на колхозный ток.

– Смотри-ка, смотри-ка! – закричала Алёнка. – Вон твоя мамка на возу едет! Уж она, наверно, третий раз приехала – а нас всё нет и нет!

Таня обрадовалась и замахала рукой:

– Мамушка, возьми к себе на воз!

Мать выехала со жнивья на дорогу и остановила лошадь:

– Ну, взбирайтесь!

Таня и Алёнка подбежали к возу. «Взбирайтесь!»! А как взбираться? Воз стоит широкий, как печка... Мать смотрела на них сверху и смеялась:

– Ну, что же вы вокруг воза ходите? Влезайте!

– А за что держаться? – спросила Таня. – Прямо за снопы?

– Становись на оглоблю, – сказала мать, – а теперь – лошади на спину... Становись, становись, не бойся!

Таня робко взобралась с оглобли на лошадь. Лошадь стояла тихо, только помахивала головой, отгоняя мух, и шерсть у неё на спине была гладкая и тёплая.

– Ну, а теперь давай руку – и сюда! – сказала мать.

И не успела Таня оглянуться, как уже сидела рядом с матерью на широком возу.

– А я как же? – спросила Алёнка.

– Да и ты так же, – ответила мать, – видала, как Танюшка? Лезь, не бойся, я руку подам!

– Лезь, лезь! – крикнула Таня. – Здесь хорошо!

Алёнка изловчилась и тоже взобралась на воз.

– Все тут, – спросила мать, – или там ещё кто есть?

– Все тут! – ответила Алёнка.

Вдруг снизу еле слышно проскулил Снежок. Он стоял у оглобли, вертел хвостом и глядел вверх просящими глазами.

– И тебя на воз? – засмеялась мать. – Ну уж нет, ты и пешком пробежаться можешь. У нас по две ноги, а у тебя четыре!

Мать тронула вожжами, и лошадь пошла. Воз тихонько покачивался. Таня и Алёнка сидели в самой середине, в гуще тёплых колосьев, и крепко держались за верёвку. На возу жарко пахло свежей соломой, снопы были тугие, гладкие, и в каждой соломинке блестело солнце.

Воз медленно проехал через поле и повернул к риге. Около риги стояли высокие крутые копны. Мать слезла с воза, подвела лошадь к копнам и развязала верёвку, которой были связаны снопы.

– А вы слезать будете или нет? – крикнула она девочкам.

– Нет, не будем! – ответила Таня.

– Не будем! – повторила и Алёнка.

Они засмеялись и поглубже зарылись в снопы.

– Ну, значит, придётся вместе со снопами сваливать, – сказал бригадир дядя Савелий.

Он налёг плечом на воз, воз накренился, снопы заскользили и поползли.

– Ай-ай, падаем! – кричали Таня и Алёнка.

Они смеялись и хватались за снопы. Но воз кренился всё больше, колёса с одной стороны совсем поднялись – и снопы горой свалились на землю. Таня и Алёнка со смехом барахтались в снопах. Снежок поглядел-поглядел на них да и тоже прыгнул к ним в снопы. А мать и дядя Савелий смотрели на них и тоже смеялись.

– Вот как у нас пассажиров высаживают! – сказал дядя Савелий. – Будете знать!

– А мы как с горки съехали! – ответила Таня. – Ничуть и не страшно даже!

– Даже и ничуть! – подтвердила Алёнка.

Девочки вылезли из снопов, отряхнулись. А мать сбросила с телеги последние снопы и сказала:

– Садитесь, домой отвезу.

– Мы не поедem, – ответила Таня, – мы ещё будем помогать!

– Ну, помогайте, – сказала мать. И уехала.

– Тань, а что мы помогать будем? – спросила Алёнка.

– А что-нибудь, – сказала Таня, – что велят.

Около риги стояли три копны. А рядом клали ещё копну. Проворная девушка Варя Соколова подавала снопы, а дядя Кузьма их укладывал. Он укладывал их кружком, плотно друг к другу, колосьями внутрь. Если дождь пойдёт, пускай солому мочит, а колосья внутри копны сухими останутся. Копна становилась всё выше и выше, и Варе всё труднее было кидать наверх тяжёлые снопы.

– Варя, давай мы тоже будем снопы кидать? – сказала Таня.

Но Варя ответила:

– Вам не докинуть, тяжело. Лучше идите на ток, там помогайте.

На току было очень шумно. Тарахтела молотилка, трещали веялки, шелестела солома. Мальчики, отвозившие солому, покрикивали на лошадей. Соседка Марья подавала снопы в молотилку. Молотилка без устали хватала их один за другим железными зубьями.

А тётка Марья стояла вся закутанная платком, потому что пыль вихрем кружилась над молотилкой.

– Туда не полезем, – сказала Алёнка, – там пыльно.

– Мало ли что пыльно, – ответила Таня. – А если нужно?

Дядя Савелий услышал их.

– Туда вас и не пустят, – сказал он, – там работать надо умело.

– Дядя Савелий, а куда же нам?

– А вы идите к веялке сор отгребать.

Веялка весело трещала, лёгкая мелкая солома взлетала над ней. А внизу по жёлобу текло тяжёлое чистое зерно. Две девушки стояли с мётлами и осторожно сметали с зерна соломинки, остатки колосьев, упавшие сверху.

– А где ещё метла? – спросила Таня. – Мы тоже будем сор сметать.

– Вы, пожалуй, вместе с сором и зерно сметёте, – сказала одна девушка, Груша Миронова. – Вы, девчатки, лучше возьмите грабли да отгребайте солому от гумна.

Девочки сбегали за граблями под навес и стали отгребать обмолоченную солому. Солома была лёгкая и светлая, как облако.

– Так-так! – кричали им колхозницы, которые тоже отгребали солому. – Живей, живей, дремать некогда!

– Грабли у них так и взлетали, солома так и шумела.

Таня с Алёнкой тоже старались изо всех сил.

Вдруг далеко-далеко в деревне прозвонил колокол.

Прозвонил и затих.

– Кончай работу! – сказал дядя Савелий. – На обед прозвонили!

Молотилка загудела тише и остановилась. Веялка перестала трещать.

Дядя Савелий большой деревянной лопатой подгрёб и подровнял ворох намолоченной ржи.

Таня и Алёнка отнесли грабли под навес.

– У меня весь лоб мокрый, – сказала Таня, – а у тебя?

– И у меня! – ответила Алёнка. – И лоб мокрый и шея! И везде колючки набились!

Таня и Алёнка стали вытаскивать из волос солому и колючки – усики от колосьев. Отряхнули платье. В это время на ток пришёл Танин дедушка.

– Дедушка, – закричала Таня, – а мы с Алёнкой солому отгребали!

– Молодцы! – сказал дедушка. – Хорошее хорошо и послушать.

– Дедушка, а ты что – молотить пришёл?

– Да не молотить, а ворох сторожить. Я у вороха посижу, пока народ пообедает. А то мало ли что? Может скотина забрести, может птица налететь.

– Так мы пошли, Мироныч! – сказал дядя Савелий. – Гляди не задремли тут у вороха!

– Да уж не задремлю, – ответил дедушка. – Обедайте спокойно, я колхозному хлебу цену знаю!

Подружки помогают сторожить ворох

Все ушли с гумна – и дядя Савелий, и дядя Кузьма, и все колхозницы. И сразу наступила тишина.

– А вы что, пичужки, тут присели? – сказал дедушка. – Ступайте домой обедать – небось умаялись.

– А мы не умаялись, – ответила Таня. – Мы с тобой будем хлеб сторожить.

Таня подсела к вороху. Она провела рукой по серебристому зерну, запустила руки в ворох, зачерпнула пригорошни и просыпала зёрна обратно сквозь пальцы. А ворох лежал перед ней, как тяжёлая гора, и каждое зерно блестело, словно чеканное.

Дедушка уселся на снопах под навесом. Тогда и Таня с Алёнкой примостились около него и тут же начали рассказывать дедушке:

– Мы сегодня колоски подбирали в поле!

– А когда колоски собирали – ёжика встретили!

– И гнездо нашли!

– Только гнёздышко совсем пустое, – сказала Алёнка, – ни одного птенчика не было.

– Ну, какие же теперь птенчики! – сказал дедушка. – Они уже теперь все выросли, летают, в дальний путь готовятся. Да уж и пора им в тёплые страны – сентябрь месяц стоит у околицы, осень ходит по лесу, деревья красит...

Таня задумалась. Ей вспомнилось, как весной летели из тёплых стран лебеди и кричали. А гуси шли по дороге, поднимали головы и слушали их.

– Дедушка, а лебеди опять в тёплые страны полетят?

– Опять полетят. И жаворонки полетят. И ласточки. И журавли... А как журавли через море летели, я один раз сам видел.

– Как, дедушка?

– Я тогда был в Крыму. Мне дали путёвку в дом отдыха, я и поехал.

– Дедушка, а какой это – Крым?

– А это место такое – Крым, у самого моря. Кругом горы, а море синее-синее и всё шумит, и всё шумит, и волны одна за другой бегут к берегу... Вот так сию я как-то утром на берегу, смотрю на эти синие волны, слушаю, как они шумят. Вдруг знакомые голоса: «Курлы! Курлы!» Я так и привскочил – неужто журавли? Поднял голову, а они летят из-за горы. И пошли, пошли через море на тот, на турецкий берег. Летят, а сами кричат-покрикивают – да так жалобно, словно не хочется им на чужой берег лететь, словно они с родиной прощаются.

– Ой, дедушка, – прошептала Таня, – мне их жалко!

– А что ж поделаешь, – сказал дедушка, – родина-то всем дорога! Но птицы свои родные места крепко помнят. Переждут холода – и снова домой. Да с радостью, да с песнями!

– Таня вытерла глаза ладонью.

– А между тем, – продолжал дедушка, – пока мы тут разговариваем, у нас к вороху жеребятки подбираются!

Таня сразу вскочила:

– Где?

Жеребятки паслись недалеко на лужке. Надоело им щипать траву, они и подобралась к риге, хотели попробовать хлеба. Но из-под навеса выскочили Таня и Алёнка, закричали на них,

замахали руками. А тут ещё, откуда ни возьмись, Снежок выскочил и залаял. Жеребята испугались и убежали обратно на лужок.

– Снежок, а ты где был? – удивилась Таня. – Я думала, уж ты давно домой убежал!

– Наверно, в снопах спал, – сказала Алёнка. – Вон в хвосте сколько соломы набилось!

Так и сидели Таня и Алёнка с дедушкой, а дедушка рассказывал им и про ласточек, которые на лету поезд обгоняют, и про коростеля, который летать не любит, а всё больше пешком ходит...

– Дедушка, – сказала Таня, – вот ты говоришь – сентябрь месяц у околицы стоит... А ведь мы с Алёнкой первого сентября в школу пойдём!

– Мне мамка уже кармашки для азбуки сшила, – отозвалась Алёнка.

– И мне бабушка сшила, – сказала Таня, – с красной каёмочкой. Это касса называется.

– В добрый час! – ответил им дедушка. – Значит, скоро будете мне книжки читать, а я буду слушать. У меня-то глаза совсем плохо видеть стали!

А потом зазвонил в деревне колокол. И дедушка сказал:

– Ну, вот и кончена наша сторожа. Сейчас народ на работу, а мы – на обед. Бегите домой, пичужки!

Таня и Алёнка побежали домой. Таня как вошла в избу, так прямо к бабушке:

– Бабушка, дай, пожалуйста, скорей пообедать: мы сегодня с Алёнкой целый день колхозу помогали!

Грушевое яблочко

Утром Алёнка явилась с большим подсолнухом. Подсолнух был широкий, как корзинка, и весь набит чёрными шелковистыми семечками. Алёнка вытаскивала по одному семечку, и в подсолнухе оставалось светлое пустое гнездышко.

А Таня укладывала кукол спать. Она вчера совсем про них забыла, и куклы всю ночь просидели на улице за круглым чурбаком. Зелёная «скатерть» у них завяла, «тарелки» съежились, угощенье расклевали куры, а их самих насквозь промочила ночная роса.

– Тань, а нынче куда помогать пойдём? – спросила Алёнка, выщипывая семечки.

Таня закрыла кукол одеялом и тоже взялась за Алёнкин подсолнух.

– Я не знаю, – сказала она. – Может, опять на гумно?

– Ступайте лучше к садовнику дяде Тимофею, – сказала бабушка, – он сегодня народ собирал яблоки снимать. А народу мало – все в поле да на молотье.

Подружки разломали подсолнух пополам и пошли в сад к дяде Тимофею.

Дёмушка услышал, что они идут яблоки снимать, и тоже пошёл с ними.

– Как солому отгрести, так ты не приходил, – сказала Алёнка, – а как про яблоки услышал, так сразу прибежал!

Дёмушка ничего не отвечал, но шагал и шагал следом за ними.

Колхозный сад был со всех сторон обнесён частой изгородью и обсажен тополями. Тополя чуть-чуть шумели серебристыми листьями. Они стояли ровной стеной, защищая сад от холодных ветров.

Калитка в сад была открыта. Недалеко от калитки стоял соломенный шалаш. А около шалаша лежали новенькие дощатые ящики, несколько снопов свежей жёлтой соломы и большие кучи яблок. Колхозный сторож дед Антон укладывал яблоки в ящики, а внуки его, Ваня и Вася, помогали ему.

Среди деревьев то тут, то там виднелись пёстрые платки и кофты – колхозницы снимали яблоки с веток.

Таня, Алёнка и Дёмушка друг за другом вошли в сад и остановились. Дядя Тимофей увидел их:

– Вам что – яблочка?

– Да, – сказал Дёмушка.

– Нет, мы не за яблоками! – поспешно сказала Таня и сердито дёрнула Дёмушку за рукав. – Мы помогать пришли!

– Вот ребяташки молодцы! – сказал дядя Тимофей. – А мне подмога как раз очень нужна, народу у меня сегодня мало.

Дядя Тимофей велел им собирать в кучу паданцы – упавшие с веток яблоки.

– Если какое понравится – съешьте, – сказал он, – но с деревьев не рвите.

Ребяташки разбрелись по широкому саду. И что это за прекрасный был сад! Таня шла и не знала, куда глядеть: то ли вниз, под ноги, искать упавшие яблоки, то ли вверх, на яблони, которые стоят кругом, как в хороводе. Яблоки висели над её головой – и красные, и розовые, и жёлтые, и с румянцем, и без румянца, и зелёные с тёмно-красными полосками.

– Что ж ты только ходишь и смотришь, а ничего не собираешь? – сказала ей Алёнка. – Я уж вон сколько набрала и два яблочка съела!

Таня спохватилась и тоже стала собирать паданцы из травы – то там, то здесь выглядывали яблоки: одно с ушибленным бочком, другое подгрызенное червяком, третье – незрелое... Таня собирала их в свой голубой фартук. А когда попало яблочко румяное Да рассыпчатое, Таня сказала:

– Какое понравится – можно съесть. А вот это мне очень нравится! – и съела сладкое яблочко.

Так ходили Таня, Алёнка и Дёмушка по саду, собирали яблоки, носили их в кучу к шалашу. И сами лакомились: как попадётся яблочко послаще, то и съедят.

А Дёмушка не столько собирал, сколько ел. Наконец ему надоело собирать паданцы.

С ветки глядели на него крупные круглые яблоки – тёмно-красные, почти коричневые. Дёмушка легонько тронул ветку, тряхнул её – яблоки не упали. Но откуда-то сверху вдруг

сорвалось одно большое яблоко, прошумело сквозь листву и ударило Дёмушку по макушке.

– Ой! – сказал Дёмушка и отскочил в сторону.

Тут подбежала к нему Алёнка и закричала:

– Ты что – яблоки рвать? Сейчас дяде Тимофею скажем!

– Я и не рвал даже! – сказал Дёмушка и потёр ладонью свою макушку. – Оно само упало.

Но тут и Таня на него напустилась:

– А зачем ветку трогал? Эх, ты! Дядя Тимофей тебя в сад пустил, а ты его обманываешь, яблоки рвёшь!

Дёмушка ничего не стал отвечать им. Он молча собирал паданцы в подол рубахи. И то яблоко, которое сверху упало, тоже положил и отнёс к шалашу.

Ребятишки собирали да собирали яблоки. Целый ворошок яблок натаскали.

– Вот спасибо! – сказал дядя Тимофей. – Крепко мне помогли сегодня. А за работу возьмите себе яблок – какие вам захочется, какие на вас глядят!

Дёмушка насовал себе в карманы медовых ранеток. Алёнка набрала красных полосатых. А Таня выбрала себе три самых больших яблока. Одно жёлтое, прозрачное – это дедушке. Другое рассыпчатое, красное – это бабушке. Третье золотое, наливное, с румяным бочком – это матери.

– А себе что же? – спросил дядя Тимофей.

Таня улыбнулась:

– А мне больше не надо. Я их и так сегодня много съела.

– Ну, тогда я тебе сам подарю, – сказал дядя Тимофей.

Он снял с дерева грушевое яблочко, самое сладкое, самое душистое, и отдал его Тане.

Вечером все – и бабушка, и дедушка, и мать – пили чай с яблоками и хвалили Таню:

– Вот какая у нас Таня славная помощница растёт!

Как Дёмушка Снежка угощал

На другой день Таня помогала бабушке собирать огурцы в огороде. Все огурцы собрали – одни плети с шершавыми листьями остались на грядках. Бабушка вымыла огурцы и засолила их в большой кадучке.

– Вот и управились с огурцами, – сказала она.

Но на другой день пришла с колхозных огородов грузовая машина. А в машине – полон кузов огурцов.

Сима-огородница сказала:

– Это колхозникам на трудодни будем раздавать, – и велела высыпать их около колхозной кладовой.

– Вот тебе раз! – сказала бабушка. – А я-то думала, что с огурцами управилась... И куда это столько огурцов нынче уродилось!

Пока сгружали огурцы, около машины собрались ребяташки. И не успели ещё борта закрыть, а они уж сидели в кузове, как белые грибы в корзинке.

– А куда это вы поедете, интересно знать? – спросил шофёр.

– Куда ты поедешь, туда и мы! – прокричали ребяташки.

– А может, я в Москву поеду?

– И мы – в Москву!

– Ну, в таком случае сидите хорошенько.

Машина фыркнула, зашумела и пошла. Ребяташки ухватились кто за борт, кто за кабину, а кто прямо на дно кузова сел. Таня и Алёнка прижались к самой кабине и держались друг за друга.

Машина мчалась по укатанной белой дороге, лёгкая, сухая пыль вырывалась из-под задних колёс. Ветер дул навстречу и ерошил волосы. А столбы с проводами так и отсчитывались один за другим вдоль дороги.

– Тань, гляди-ка: Снежок бежит! – вдруг сказала Алёнка.

Снежок и в самом деле бежал за машиной, то и дело чихая от пыли. Но как он ни старался, а машину догнать не мог. Он отставал всё больше и больше и наконец где-то под горкой совсем отстал.

– Ну куда бежит? – сказала Таня. – Наверно, все лапы себе отбил!

Машина слегка затормозила и свернула к огородам. Тут, на огороде, недалеко от дороги, лежали насыпанные горкой огурцы. И тут же, одна на другой, громоздились большие корзины, полные помидоров. Машина подошла к этим корзинам и остановилась.

– Приехали! – крикнул шофёр.

– Вот так Москва! – засмеялась Алёнка. – Грядки да речка, а больше нет ничего.

А Таня молча слезла с машины. Она всё поглядывала на дорогу – не бежит ли Снежок? Этот пёс такой глупый, что и заблудиться может!

В это время две девушки – Клаша Галкина и Маша Фонарёва – принесли ещё одну корзину с помидорами.

– Вот я вам какую ораву привёз! – сказал шофёр. – Они у вас тут сейчас всё поедят!

Но Клаша и Маша только рассмеялись в ответ:

– Пускай едят, на всех хватит – и ещё останется. Возить – не перевозить!

– Куда пойдём, – спросила Алёнка у Тани, – на помидоры или на горох? Или маку поищем?

– Что ты, мак уже собрали давно! – сказала Таня.

– Тогда, может, за подсолнухами сбегает?

– А я – за помидорами, – решил Дёмушка.

Они пошли вдоль грядки. Помидоры висели на низеньких ветках и почти лежали на земле. Таня шла и выбирала себе помидор:

– Этот не хочу: у него бочок зелёный. Этот не хочу: он ещё маленький. А вот этот возьму: он большой и красный!

– Ешьте, ешьте, ребяташки! – сказала огородница Сима. – Помидоры скоро кончатся, последние снимаем.

– А ребята побежали морковь дёргать! – крикнул Дёмушка. – Я тоже побегу!

– Помидор-то съешь сначала! – сказала Алёнка. – Как уж он всюду торопится, боится опоздать!

Таня и Алёнка съели по хорошему помидору и тоже пошли за морковкой.

Морковь лежала красными кучками среди чёрных разрытых грядок. А рядом стояли ещё не тронутые грядки, пышные и пушистые от морковной зелени. Это поздний сорт, эту морковь дёргать ещё рано. Но Таня всё-таки выдернула одну – вот как захрустела свежая морковка на зубах, будто кусок сахару!

Сходили и за горохом. Но горох не понравился: он стал уже сухой и жёсткий. Потом пробрались через густые свекольные грядки и через грядки с брюквой – прямо к маковой делянке. Мак уже давно созрел, и давно его собрали. Лишь две или три сухие коричневые головки погромыхивали на ветру. Девочки сломали их и вытрясли из них мак прямо в рот.

Потом их приманили грядки с репой. Как пропустить, как не попробовать! Репка чистая, жёлтая, как мёд. А как откусишь – сладкий сок из неё так и брызнет!

Таня держала репку за зелёный вихор и стряхивала с неё землю. Вдруг она услышала какой-то шум в густой свекольной ботве и оглянулась.

– Алёнка, гляди, – крикнула она, – Снежок прибежал!

Снежок смотрел на них, высунув язык, и мотал хвостом от радости. А Таня и сама очень обрадовалась.

– Прибежал, не заблудился! И как же ты нас в таком большом огороде нашёл?

– Он, наверно, голодный, – сказала Алёнка.

– Да, как же, голодный! – сказал Дёмушка, который тоже пришёл за репкой. – Помидор ему давал – не ест, огурец давал – не ест, брюквину давал – не ест. Вот так голодный!

А Таня засмеялась и сказала:

– Вот ведь какой ты у нас, Снежок, избалованный!

Лесные подарки

Помой с огородов девочки пошли не по дороге, а прямо через лесок. Снежок тоже побежал за ними. А Дёмушка остался с ребяташками – ему ещё не хотелось уходить с огородов.

В лесу было тихо и нарядно. Ёлки густо зеленели. В берёзках светились светло-золотые искорки. А осинки стояли румяные, алые и тихонько дрожали своими круглыми листьями.

Тане вспомнилось, как дедушка сказал: «Вот уж осень деревья красит».

Она шла потихоньку и оглядывалась по сторонам – вот бы подсмотреть, как это осень ходит по лесу да красит деревья!

– Ух ты, опят сколько! – крикнула Алёнка. – Танюшка, беги сюда!

Таня подбежала к Алёнке. А там стоял высокий пенёк, весь усаженный жёлтыми грибами опёнками. Они росли кучками – и побольше, и поменьше, и совсем маленькие, как горошины.

– Целую корзину набрать можно! – сказала Таня.

– А у нас никакой корзинки нету, – сказала Алёнка. – Эх, жалко!

– Корзинки нету, зато фартук есть! – ответила Таня.

Она сняла свой голубой фартук и расстелила его на земле.

Девочки собрали грибы в фартук, завязали его узелком и пошли дальше.

На полянке им встретился широкий ореховый куст. Среди его шершавых листьев висели орешки в зелёных обёрточках – по одному, по двойке, по тройке.

Таня и Алёнка положили узелок с грибами на траву, а сами стали рвать орехи.

– А орехи куда будем класть? – спросила Алёнка.

– Орехи – тоже в фартук, – ответила Таня.

Много орехов нарвали, а ещё больше осталось на кусте. Но куст очень высокий, верхних веток никак не достанешь.

Девочки пошли домой. На опушке они увидели рябину. А на рябине, словно пригоршни красных бус, висели тугие красные ягоды.

– Алёнка, нарвём?

– Нарвём, конечно.

– А класть куда?

– Да тоже в фартук положим. Дома разберёмся.

И рябины нарвали. Да ещё по пути Таня не утерпела – наломала красных осиновых веток. Уж очень они были красивы!

Так и шли с лесными подарками: с грибами, с орехами, с рябиной. А когда вышли на поле, то над ними в хрустальном воздухе тихо плыли и светились радужные осенние паутинки.

Таня и Алёнка пришли домой, сели на крылечко и стали делать из рябины ожерелья. Они взяли у бабушки клубок суровых ниток и толстую иголку, нанизали на нитки ягоды и надели себе на шею.

– Я пойду бабушке покажусь, – сказала Таня.

Ей хотелось, чтобы бабушка посмотрела, какая она нарядная.

Но в это время пришёл Дёмушка.

– Дайте рябинки! – попросил он.

– Опоздал, – ответила Алёнка, – мы всю рябину на бусы нанизали.

– Ну, тогда я бусинку оторву! – сказал Дёмушка.

И оторвал от Алёнкиного ожерелья несколько рябиновых бусинок.

– Ты что делаешь! – закричала на него Алёнка.

А Таня вскочила:

– Уходи отсюда!

Дёмушка попятился со ступеньки, да оступился и чуть не упал. А чтобы не упасть, схватился за Таню и нечаянно оборвал её красное ожерелье.

– Всё испортил! – чуть не заплакала Таня. – Все бусины раздавил!

Тут на крыльцо вышла бабушка.

– Вы что кричите? – сказала она. – Что не поделили?

– Бабушка, посмотри, он мне бусы оборвал! – пожаловалась Таня.

– Вон и мне сколько бусин смял! – поддержала Таню Алёнка.

– Эх, девчатки, – сказала бабушка, – что ж вы из-за пустого дела столько шума поднимаете! Дёмушка ещё маленький, что с него взять? А вы уже большие, вы скоро в школу пойдёте. Неужели всё по Дёмушке будете равняться?

Таня и Алёнка взглянули друг на друга. Да, правда, через несколько деньков – в школу! И обе они как-то притихли, призадумались и забыли про свои красные ожерелья.

Подружки идут в школу

Эти несколько деньков пролетели очень быстро, пролетели, как жёлтые листочки с берёзы, унесённые ветром. Наступило первое сентября.

В этот день Таня проснулась очень рано. Ясное сентябрьское солнце косо заглядывало в окно, и у бабушки в кухне ещё топилась печка.

Таня вскочила с постели и, шлёпая босыми ногами, побежала на кухню.

– Ты что вскочила такую рань? – сказала бабушка. – У меня ещё и завтрак не готов!

– Так и надо, чтобы рань! – ответила Таня. – Ты, бабушка, наверно, всё забыла!

– А что ж такое я забыла?

– Бабушка, да ведь я сегодня в школу иду!

– Ну и что ж ты кричишь? – удивилась бабушка. – В школе тоже уроки не до свету начинаются.

Тут она вытащила из печки большую, шипящую на сковороде лепёшку и сказала:

– Вот я тебе и лепёшку испекла, с собой возьмёшь в школу. Видишь – ничего я не забыла!

Таня побежала на крыльцо умываться. Щёки и уши сразу загорелись от холодной воды. Таня крепко вытерлась суровым полотенцем, но посмотрела на свои руки и опять побежала на крыльцо. Руки у неё были обветренные, коричневые от загара. Таня тёрла их и намыливала, тёрла и намыливала...

– Да уж будет тебе! – сказала бабушка.

– Да как же, бабушка, будет? – чуть не плача, ответила Таня. – А дежурная посмотрит, что руки чёрные, и скажет: «Уходи из класса». Вон Нюра Туманова говорит, что там дежурные всегда руки смотрят!

К завтраку пришла мать с молотьбы.

– Я сейчас сама дочку в школу соберу, – сказала она. – Ну-ка, иди сюда!

Она дала Тане выглаженное коричневое платье, застегнула на ней чёрный фартук, сунула ей в карман носовой платок и сама расчесала Тане волосы. Расчесала и задумалась:

– А что же нам с твоими волосами делать? Так идти в школу не годится, на голове у тебя словно овин горит – завитушки торчат во все стороны. Или подстричь их надо, или косичку заплести.

– Косичку заплести! – сказала Таня.

Мать достала из комода синюю ленту и заплела Тане косичку. Косичка вышла маленькая и закручивалась кверху. Но Таня радовалась и гордилась и всё трогала её рукой. Таня ещё никогда в жизни не ходила с косичкой!

Мать оглядела Таню, всё ли на ней хорошо, и сказала:

– Учись, дочка, прилежно, слушай, что учительница будет говорить, набирайся ума-разума!

Таня пила чай и дула в блюдце, потому что она торопилась, а чай был горячий и никак не остывал. В это время в окно заглянула Алёнка. Таня поставила блюдце с чаем на стол:

– Идём?

Алёнка кивнула головой.

– Да куда ж ты? – сказала Тане бабушка. – Ты хоть чай-то допей!

Но Таня уже схватила свою сумку, которую ей приготовили в школу, и выскочила на крыльцо. А в сумке была тёплая лепёшка, бутылка с молоком и холщовые кармашки для азбуки.

Подружки вышли на улицу.

– Ух, как провода на солнце блестят! – сказала Таня. – Может, они серебряные?

– Наверно, серебряные, – согласилась Алёнка.

Таня опасливо посмотрела кругом:

– Снежка не видать? Как бы за нами не увязался!

А Снежок словно только и ждал, чтобы про него вспомнили. Он выбежал из калитки и начал прыгать вокруг Тани.

– Ты не смей с нами ходить! – прикрикнула на него Таня. – Иди домой!

Но Снежок глядел на неё и вилял хвостом, словно хотел сказать: «Ну, а почему мне нельзя с тобой идти? Я пойду!»

Тогда Таня подняла хворостинку и замахнулась на Снежка:

– Кому говорят – домой иди! Вот я тебя!

Снежок обиделся, опустил хвост и отстал. Он стоял и глядел, как Таня и Алёнка всё дальше и дальше уходили по дороге.

В конце улицы уже собрались все колхозные ребяташки-школьники. Кто идёт в четвёртый класс, кто в третий, кто во второй, а кто и вовсе только в первый раз учиться идёт. Все собрались и вместе пошли в школу. И Таня с Алёнкой тоже пошли.

Светлое поле лежало по сторонам дороги. В поле было уже пусто, хлеб убран, и жёлтая стерня слабо блестела на солнце. А за полем стоял нарядный сентябрьский лес.

С дальних полей возили овёс. Большие косматые возы, покачиваясь, шли по дороге.

– Эй, школьники, садитесь, подвезём! – кричали им с возов.

– Подвезёте в ригу, – отвечали ребята, – а нам надо в школу. Не по пути!

В риге шумела молотилка, рокотали веялки, слышались голоса... Весёлый шум работ далеко разносился над опустевшими полями.

– Слышите? – сказал Юра председателев. – Вот как у нас теперь – все молотилки и веялки на электричестве работают! ГЭС пустили! – И тут же крикнул: – Ребята, сторонись! Машина сзади!

Ребяташки сбежали с дороги. Машина шла, поднимая невысокую пыль. Она была доверху нагружена тяжёлыми мешками – колхоз отправлял хлеб на сыпной пункт.

С машины тоже покричали:

– Может, подвезти?

– Далеко едете! – отвечали ребята. – Увезёте в район, а наша школа близко.

Дорога спустилась в овражек, заросший ольшаником. А когда поднялась на горку, кусты расступились, и стало видно школу. Вот она стоит на зелёной луговине – новая, с голубыми наличниками – и блестит на солнце своими большими окнами.

Алёнка оглянулась и подтолкнула Таню:

– Тань, посмотри-ка!

Таня оглянулась тоже. По дороге шагали ещё двое: Дёмушка и его товарищ Ваня Берёзкин. А сзади, закрутив лохматый хвост, бежал Снежок.

– Так и есть, – сказала Таня, – все тут!

– Думают, что их тоже примут! – усмехнулась Алёнка.

Со всех сторон, из всех деревень собрались в школу ученики. Учителя встретили их и развели по классам.

Таня и Алёнка, держась друг за друга, вошли в первый класс и сели за парту.

Но едва все ученики уселись, как открылась дверь, и вошли ещё двое – Дёмушка и Ваня Берёзкин. Они вошли, сняли шапки и остановились у дверей.

Учительница посмотрела на них:

– А вы зачем пришли?

– А мы тоже учиться, – сказал Дёмушка.

– Сколько же тебе лет?

– Семь. Почти уж восьмой.

– А мне уж почти девятый, – осмелев, сказал Ваня Берёзкин.

Учительница улыбнулась:

– Восьмой вам будет через год, а девятый – через два года. На будущую осень приходите, а сейчас ступайте домой!

Дёмушка и Ваня переглянулись, надели шапки и пошли домой.

– Вот как! – засмеялась Таня. – Уже выучились!

– Сядьте прямо, дети, – сказала учительница, – положите руки на парту... – И вдруг посмотрела на дверь: – Кто это царапается за дверью?

Учительница открыла дверь, и в класс вбежал Снежок. Он увидел Таню и сразу завилял хвостом. Все ребятишки засмеялись, учительница тоже засмеялась и сказала:

– Вот так ученик явился! Ну нет, нам таких учеников не надо! Уходи, уходи из класса!

Она прикрикнула на Снежка и прогнала его. Ребята посмеялись, но скоро успокоились и стали слушать, что говорит учительница.